

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР

Москва · 1939 · Ленинград

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

**Формула отрицательного сравнения
в древне-арабской поэзии**

Около 40 лет тому назад вышло в свет исследование А. Н. Веселовского о психологическом параллелизме.¹ За четыре десятка лет наука, конечно, значительно двинулась вперед, но в области изучения восточных литератур по затронутым А. Н. Веселовским направлениям и теперь, в сущности, сделано так же мало, как в его время.

Работа А. Н. Веселовского интересна не только по своему построению и схеме выводов, но и по той широте материала, который у него привлечен. Он сам говорит, что брал свои примеры «отовсюду», и хотя тут же прибавляет, что делал это «может быть недостаточно широко и равномерно»,² но тем не менее востоковед очень часто найдет у него параллели из своей области. Диапазон у автора очень широк: подряд на трех страницах³ мы видим примеры, взятые из литератур — грузинской, турецкой, китайской, малайско-полинезийской, пракритской, татарской, башкирской. Аналогичное соотношение остается на всем протяжении работы.

Быть может одной из наиболее обделенных в смысле внимания оказалась арабская поэзия: единственный раз, когда пример приводится со ссылкой на нее, ясно по содержанию и по форме, что в основе здесь произошло какое-то недоразумение и пример относится вероятно не к арабской, а к персидской поэзии.⁴

Едва ли такое отношение к арабской поэзии случайно; значительное количество материала в европейских переводах могло быть в распоряжении

¹ Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. ЖМНП, 1898, ч. ССХVI, отд. 2, стр. 1—80. Цитируется по Собранию сочинений А. Н. Веселовского, т. I, СПб., 1913, 130—225.

² *Op. cit.*, стр. 153.

³ *Op. cit.*, стр. 151—153.

⁴ Стр. 151: «Снег гает на горах Испагани; как ты ни хороша, не будь горделива. Аман! Аман! Аман!». Указание источника, к сожалению, отсутствует.

А. Н. Веселовского (достаточно напомнить известный перевод Хамасы Rückert'a и различные переводы му'аллақ), и если он не считал нужным его привлечь, то это объясняется общей установкой работы. Она основана преимущественно на народной песне и остается в ее сфере; искусственная поэзия, к которой мы должны отнести и известные нам памятники арабской, привлекалась им только попутно в такой же мере, как, напр., отдельные поэты XIX в.

Таким образом вопрос о психологическом параллелизме в арабской поэзии остается открытым и теперь; исследование его отражения на этой почве еще впереди. В настоящей статье я хочу ограничиться только одной разновидностью, проанализированной А. Н. Веселовским: формулой отрицательного сравнения, близко связанной с отрицательным параллелизмом.¹

Ограничивая тему, я до возможных пределов ограничиваю и материал. Число памятников древне-арабской поэзии, находящихся теперь в нашем распоряжении, сравнительно велико; привлечение их полностью потребовало бы совершенно иного объема работы, и поэтому я останавливаюсь исключительно на одном достаточно типичном памятнике — сборнике стихотворений поэтов племени Хузейль. Этот выбор может быть определенно обоснован соображениями и внешнего и внутреннего порядка. Самый памятник закончен изданием только в 1933 г.² и только теперь доступен науке в полном виде. Опубликование его было начато более 80 лет тому назад J. G. L. Kosegarten'ом (1854), продолжено J. Wellhausen'ом (1884) и на наших глазах с большой выдержкой доведено до конца J. Hell'ем (1910—1933). Литература об этом памятнике за восемьдесят лет достаточно разбросана и обширна,³ но серьезное изучение его стало возможным только теперь.⁴ Сборник был составлен в конце IX в. н. э. и сохранил нам произведения поэтов племени Хузейль, время жизни которых относится к эпохе зарождения ислама и первых десятилетий халифата, т. е. ко второй половине VI в. и первой половине VII в. Племя в эту эпоху жило в полусоседлом состоянии около Мекки; интересно отметить, что оно и теперь сохранило не

¹ Op. cit., стр. 206—209.

² Neue Hudailiten-Diwane, herausgegeben und übersetzt von Joseph Hell, II, Leipzig, 1933. Первая часть издана им же в Ганновере в 1926 г.

³ Основные работы по изданию и изучению текста указаны у J. Hell, Neue Hudailiten-Diwane, II, XI—XIII. Полная библиография значительно обширнее.

⁴ Мой интерес к этому памятнику связан с одним личным обстоятельством: диваном Хузейлитов в молодости занимался В. Р. Розен, даже скопировавший в 1873 г. неизданную тогда часть лейденской рукописи (См. ИАН, 1918, стр. 1334, № 40). В 1907 г. — последнем в его жизни — В. Р. Розен прочитал со мной части, изданные Kosegarten'ом и Wellhausen'ом.

только свое имя, но и приблизительно ту же территорию около г. Таифа.¹ Большим преимуществом с точки зрения арабской поэзии является то обстоятельство, что вопрос о подлинности этих стихотворений стоит сравнительно благополучно: одно из важных исследований Нелл'а² убедительно показало, что большинство их при детальном анализе параллельных источников оказывается с несомненностью принадлежащим к эпохе раннего ислама.

Большая традиционность и строгая схематичность древне-арабской поэзии позволяют выделить без особого труда те субъекты, к которым по установившемуся уже и в эту эпоху канону применяется отрицательное сравнение. С одной стороны, это — красавица, дама сердца поэта, с другой стороны — восхваляемый герой, который иногда бывает идентичен с автором произведения. И в том и в другом случае сравнения бывают общего порядка или же специфицируемые по какой-нибудь детали. В первом случае основная формула проста: «газель не красивее ее». Конечно в таком сухом виде формула почти не встречается; разрастание обыкновенно идет в сторону первой части, значительно удаляемой от своего субъекта.³ «И не (была) мать газеленка в ал-'Алаэ,⁴ одинокого, который хватает плоды арака, когда можно достать ветку, опоясанная двумя полосами; от нее близки плоды рощи, в которой свисают над ней короткие ветки; там она паслась целиком два весенних месяца и заметен на ней жир и следы урины;⁵ сок арака вычернил ее рот и цвет его точно цвет сажки, а сама она светлоричневая, — красивее, чем она (= Умм 'Амр),⁶ когда встала и отвернулась, скрывая слезы, когда усилился их поток» (Абу Зу'айб 5, 6—10). Этот пример достаточно типичен и по содержанию и по грамматической кон-

¹ См. J. Schleifer в *Enz. d. Islam*, II, 349—350.

² *Der Islam und die Hudailitendichtungen*, Festschrift Georg Jacob, Leipzig, 1932, 80—93. Тему этой статьи теперь разрабатывает шире диссертация Omar A. Barrukh. *Das Bild des Frühislam in der arabischen Dichtung von der Hîgra bis zum Tode des Kalifen 'Umar*. Leipzig (und Erlangen, 1937).

³ Произведения поэтов, вошедших в состав изданной Kosegarten'ом и Welhausen'ом части, цитируются мной под общим порядковым номером, указанным в этих изданиях, без имени поэта. Изданные Нелл'ем и Вайрактатеви'ем поэты цитируются под именем, с указанием порядкового номера произведений каждого в отдельности.

⁴ На объяснении географических названий я не останавливаюсь, так как они в данном случае не имеют значения и кроме того, как вообще в арабской поэзии, носят иногда условный характер. Любопытно, что как раз об ал-'Алаэ составитель известного географического словаря Йакут говорит (III, 710): «Я не знаю, что это за поселение; как название места его упоминает Абу Зу'айб хузейлит».

⁵ Объяснение специфического значения последнего обстоятельства см. у J. Hell, *Neue Hudailiten Diwane'* I, 19, прим. 1.

⁶ Конструкция грамматически связана с «не была» в начале отрывка.

струкции: по такому образцу всегда строится отрицательное сравнение. Грамматически выдерживается как бы одна фраза, но отрицание отделено от сравнительной степени несколькими стихами, и построение иногда оказывается довольно запутанным. Изредка первая часть дает двучленное сравнение: «И не (была) светлоричневая, которая гонит вперед газеленка. . . , и не (была) мать газеленка в ал-'Алāе, которая пасется. . . красивее, чем она в тот день, когда сказала с кокетством: „Разрываешь ты мою веревку или остаешься в связи со мной?“» (ib., 6, 4—8). Иногда и для поэта конструкция остается непосильной и в его произведение вводится формулой отрицательного сравнения описание газели, но дальше оно повисает в воздухе, так как связанного с ним упоминания о красавице уже нет (Сā'ыда 10, 5—7).¹ Иногда в сравнение вводится известная спецификация с упоминанием, напр., шеи газели, ее глаз и т. д.

Несколько более уточненной является формула типа «сад не благоуханнее красавицы». Конечно, и она всегда приводится в более развитой форме, главным образом в первой части; развитие второй редко выходит за пределы одного стиха. «И не (бывает) сад в аль-Хазме с влажной землей, который после холодов оросили вторичным дождем облака „Водолея“ — лаванда и 'арār источают росу на холме, где не оставила следов поступь идущего на водопой, — благоуханнее ароматом и свежестью, чем Сулейма, когда чаша дремоты напоила всякого спящего» (253, 9—11). Иногда вместо сада появляется вино (Абӯ Зу'айб 9, 11—17); но обыкновенно вино вводит более детализированную формулу, едва ли не самую распространенную при описании красавицы: «вино не благоуханнее ее рта».

Здесь допускается наибольшее разнообразие и наибольшее расширение картины: вино фигурирует смешанным с медом (Абӯ Зу'айб 2, 8—28; 6, 19—30), вместо вина появляется мед (иногда с водой — Абӯ Зу'айб 12, 10—19, Сā'ыда 3, 1—9), встречаются двучленные сравнения — мускус и вино (Абӯ Зу'айб 2; 7 сл.). Самое сравнение разрастается и переходит часто в самостоятельную бытовую картину, что вообще хорошо нам известно в древне-арабской поэзии (Абӯ Зу'айб 6, 10—31):

19. И не бывает выдержанное из Азри'āt, с которым устремляется похожая на самца (верблюдица), крепкая, как утес в потоке,

20. вино из первого сока, которое поручено бурдюку, вымазанному смолой, прикрепленному сзади седла. . .

¹ Ср. Hell, op. cit., II, 20, прим. 1.

21. Запасся им от жителей Босры и Газзы (всадник) на твердой с высоко поднятым хвостом и подседельником.

22. Он прибыл с ним в 'Усф'ан, а потом пришел с ним в Миджанну, — в глиняных сосудах оно прозрачно и не бродит.

23. Вечером он отправился с ним из Зу-ль-Мадж'аз, опережая первых (верблюдиц), поспевающих к аль-Хаблю.¹

24. Пришли оне и пришла среди них она; и вот он вытирает ее околоушные кости (от поту), а она ревет, как самец.

25. И пришел он с ней, чтобы завершить свой хаджж, сотрапезник благородных, не слабый и не назойливый.

26. И провел он ночь в сборище, а потом закончил (обряд), отправившись в Мину, и на утро захотелось ему поискать меду за деньги.

• 27. И пришел он с медом, подобного которому люди не видали: он — смех,² но только он изделие пчел. . .

28. (пчел) йеменских, для которых оживил гранаты Ма'бида и аль-Қар'аса ливень темных облаков. . .

29. И вот, не (бывают) оба они (вино и мед) в чаше из Б'арика, новой, которая сделана тонкой и тесалом и полировкой,

30. благоуханнее, чем ее речи, когда ты придешь ночью, в то время как еще не различить света на проясняющемся горизонте,

31. когда громадный одинокий (пастух) склонил свою голову; это ему позволяет обилие длинноухих овец.³

При таком разрастании первой части сравнения и здесь возможен грамматический разрыв: начав ее с отрицательной частицы, поэт забывает, что она повисла в воздухе, и заканчивает сравнение новой самостоятельной конструкцией («И не бывает белый мед. . . Вот с чем я сравню рот Умм Ма'мар. . .», Са'ыда 3, 1—9).

Фигура героя или прославляемого лица в такой же мере окружена традиционными формулами отрицательных сравнений. Они не менее, а может быть даже более разнообразны, хотя несколько реже переходят в самостоятельные картины. Объектами сравнения привлекаются как неодушевленные, так и одушевленные предметы. Сравнение обыкновенно идет не в общей форме, а по линии отдельных качеств или свойств. Одна из любимых формул гласит: «поток не щедрее героя». Картина и здесь

¹ Большинство упоминаемых местностей связано с обрядами хаджжа.

² Бел как зубы, показывающиеся при смехе.

³ Пастух может спать спокойно, так как для большого стада пропажи неощутимы.

развивается в первой части: «И не (бывает) волнующийся шумный поток, черный, с полосами (от ветра), заливающий холмы, — жители Босры от его стремительности унеслись, а жители Джоуфа думали переехать, — щедрее, чем дары племени Асйд» (262, 27—29, см. еще 263, 26—27). Из животных для сравнения привлекается лев, который не храбрее героя (165, 14—15; Са'ьда 8, 12—17), верблюд, который не вынесет такой ноши, как он (Абу Зу'айб 27а, 1—4; 27а, 5). Своеобразную группу отрицательных сравнений с животными представляют те, которые характеризуют быстроту бега. Арабский герой, как известно, должен был уметь не только хорошо сражаться, но и хорошо убегать от врага в случае нужды. Быстротой бега обыкновенно хвалится сам поэт; для сравнения в большинстве случаев привлекается дикий осел (176, 11; Абу Хыраш 8, 4—9; 19, 4) или страус (82, 4—7; Абу Хыраш 8, 4 сл.). Развитие сравнения идет по известным нам уже направлениям в сторону самостоятельной картины. Иногда происходит перестановка частей и поэт выражается коротко (176, 11): «Но нет, клянусь Аллахом, не спасется, как спасся я в утро аль-Джауза, темный, искусанный (осел)». Из области человеческих отношений для характеристики героя или автора в отрицательном сравнении привлекается осиротелая или страдающая мать. Простейший пример таков: «И клянусь Аллахом, не (бывает) старуха, мать единственного, более страждущей, чем я, за то, что унизили ее маленького» (Са'ьда 10, 14). Сложная форма и здесь вырастает в большую самостоятельную картину, занимающую иногда больше 20 стихов (261, 4—27); нередко и при ней возникает разрыв грамматической конструкции, либо с окончанием сравнения самостоятельной фразой, не связанной с первой частью (261, 27), либо даже с совершенным опущением всей второй части (Абу Зу'айб 23, 5 сл.).

В особую группу надо выделить один стилистический прием древне-арабской поэзии, родственник не столько с отрицательным сравнением, сколько с отрицательным параллелизмом, хотя формально он и представляет другой тип. Применяется он исключительно в произведениях на смерть какого-нибудь героя и возникает из стремления утешиться в его гибели тем доводом, что все преходяще, все живые смертны. Как герой не спасся от судьбы, так не спасаются и все другие существа. Характерным для этого приема является то, что все приводимые в подтверждение параллели вводятся обязательно с отрицательной конструкцией. Диапазон этих параллелей очень широк и, как всегда, строго традиционен. В нем фигурируют различные предметы в природе, но обыкновенно даже сам поэт предваряет

свое изложение неким перечнем. «О Мейя, ведь гибнут на земле львы и пепельные (газели) и большеглазые (коровы) и белые (антилопы) и люди» (77, 3). Обыкновенно, однако, и этот перечень вводится уже в отрицательной конструкции. «Уходи же, — говорит поэт погибшему, — какого героя среди людей сохранили от его гибели темный мрак или гора? И не (спасут его) обе звезды Симāk; если он даже поднимется к ним, то все же встретит день, который ему сужден со все искореняющим злом. И не (спасется) страус в долине, где он бродит, ни дикий осел, ни газель, ни горный козел» (ал-Мутанаххиль 6, 12—14). Этот перечень с достаточной полнотой указывает объекты, привлекаемые для сравнения. Люди фигурируют редко, хотя в одном стихе в параллель погибшим говорится про витязя: «И не устоит против превратностей судьбы облекшийся в железную кольчугу, надевший шлем» (Абӯ Зу'айб 1, 49 сл.). Также редко фигурирует лев (77, 12—15); излюбленный состав — дикие животные и птицы, горный козел,¹ различные антилопы и газели,² дикий осел,³ страус,⁴ орел,⁵ сокол.⁶ Все они обыкновенно гибнут или от охотника или от других хищных животных. Параллель, как и всегда, разрастается в самостоятельную картину, которая трактуется иногда очень широко. «И вижу я, что дии не оставляют благородного и горных диких (козлов), и страусов, и черных, укрывающихся в скалах, которые облачены белизной у низа ног. У них источники, но они отходят оттуда по скалистым тропам; передовые там пьют от жажды. Сужден им был приземистый в лохмотьях (охотник); когда они идут по скользким склонам гор, идет и он (за ними). Пряча свою фигуру, он захватывает их и потоком направляет яд им в животы. Он опережает их к водопоям и стреляет в смертельные места, и напаивает их внезапной смертью» (16, 5—10). Аналогичны картины, в которых рисуются птицы (2, 17—25):

17. И (не устоит против судьбы) с мягкими крылами орлица, которая кормит двух своих птенцов мясом зайцев.

18. Сердца (растерзанных) птиц посреди ее гнезда точно косточки сухих фиников, брошенные на каком-то пиру.

¹ 2, 4; 16, 5—10; Абӯ Зу'айб, фрагмент 6, 1; Сә'ыда 2, 8—16; 8, 18—23; ал-Мутанаххиль, 6, 14—15; Усама, 4, 8—20 (ср. Hell, op. cit., II, 53, прим. 1).

² 77, 4—11; 116, 12—18; Абӯ Зу'айб, 1, 36—48; 3, 9—17; Сә'ыда, 2, 17—27; 8, 24; ал-Мутанаххиль, 6, 14.

³ 16, 11—22; Абӯ Зу'айб 1, 15—35; 3, 1—8; Абӯ Хыраш 1, 17—18; 16, 5—13; ал-Мутанаххиль 6, 14; Усама, 4, 8—28 (ср. Hell, l. cit.); Абӯ Кабир 4, 4—15.

⁴ 16, 5; ал-Мутанаххиль, 6, 14.

⁵ 2, 17—25.

⁶ Абӯ Хыраш, 1, 19—24.

19. И низверглась она на газель, которую заметила лежащей около дерева салам около бурой пасшейся (матери).

20. И промчалась она над пиком скалы и тот повредил ей что-то и упала она на лапы безуспешнее безуспешного¹

21. в губительной пустыне. Крыло ее, когда она взлетает в воздух, точно тряпка у игрока.

22. И были покинуты оба птенца ее в недрах гнезда, в месте, где нет близкого, и не у добывающего пропитание.

23. Оба птеничка шевелятся на заре всякий раз, как слышат шорох ветра или голос ворона.

24. И не увидели ее птенцы после того вечера и не успокаивались они в гнезде от перекликанья.

25. Вот что производит судьба — ведь ей (принадлежит) всякий преследуемый быстрый и преследователь.

В этих параллелях поэт не бывает связан необходимостью построения одной грамматической фразы, и поэтому недоразумений бывает меньше, чем в предшествующих случаях. Однако и тут иногда картина развивается так широко, что автор забывает, о чем шла речь, и не заканчивает начатой параллели (напр. относительно льва — 77, 12—15, сокола — Абӯ-Хырāш 1, 19—24).²

Таковы, в основном, формулы отрицательного сравнения, которые можно извлечь из дивана хузейлитов. Они без особого труда укладываются в определенные схемы, вне которых не встречаются. Несомненно, что привлечение других памятников умножило бы количество примеров, но с полной уверенностью можно сказать, что это расширение пойдет только по линии отдельных деталей, увеличения числа объектов, привлекаемых для сравнения, большего или меньшего искусства в построении картины. Общий тип останется неизменным, и все разновидности его исчерпаны приведенными примерами. Еще раз они показывают, что уже в ту, самую раннюю эпоху, от которой мы располагаем памятниками, арабская поэзия обладала строго установленным каноном. Талант и индивидуальность поэта, однако, не подавлялись этим и, оставаясь в рамках канона, умели создавать

¹ Я не считаю нужным систематически указывать все недоразумения в немецком переводе Abicht'a; примеры Wellhausen'a в DLZ, 1886, 1373 показали всю его неудовлетворительность. Для образца привожу перевод этого стиха, совершенно им непонятого: «und fliegt hinüber nach einer Klippe und vertilgt einen Teil davon, und schlägt rauschend die Flügel über den beiden Schenkeln, Betrüger eines Betrogenen». В связи с таким неожиданным пониманием стиха, весь смысл отрывка от Abicht'a ускользнул.

² Ср. J. Hell, op. cit., II, 26, прим. 3.

картины, которые и теперь привлекают нас своим разнообразием и живостью.

Приведенный анализ не бесполезен для истории поэзии вообще. Если А. Н. Веселовский говорил, что собранные им примеры позволяют ограничить некоторые обобщения, установившиеся относительно отрицательного параллелизма,¹ то расширение наблюдений в сторону близкую нам говорит о большой устойчивости предложенной им самим классификации.

Сентябрь 1934 г.

¹ *Op. cit.*, 210.